

В № 2 «Приокских зорь» за 2020 год вызывает интерес стихотворное произведение поэта из Ростовской области Сергея Даштамирова «Выстрел» под рубрикой «Пушкинская проза онегинской строфой». Для стихотворения оно слишком большое и скорее похоже на поэму, хотя таковой не названо. Перед нами стихотворное переложение повести А. С. Пушкина «Выстрел». Если цель автора была в том, чтобы представить, как бы выглядела пушкинская повесть, если бы Александр Сергеевич пожелал изложить ее в стихах, попытка, хоть и дерзкая, но интересная,

Говоря о форме данного произведения, нужно отметить следующее. Как известно, пушкинская или онегинская строфа пишется ямбом и состоит из 14 строк с рифмовкой **a-b-a-b, a-a, b-b, a-b-b-a, b-b**, где **a** представляет собой рифму с женским ударением, венчающим восьмисложную строку, а **b** — с мужским ударением семисложной строки. Однако же при этом почему-то занимающие довольно большое место в рассматриваемом произведении «Рассказ Сильвио» и «Рассказ графа» написаны совсем с другим порядком рифмования. Тогда зачем надо было заранее заявлять онегинскую строфу? Задал форму, так держи слово и подкрепляй его делом.

Трудно сказать, какие могут быть даны этому объяснения кроме того, что автор устал или ему просто надоело подгонять стихотворные строки под опрометчиво заданную форму. Но и там, где она вроде бы соблюдается, есть огрехи. Например, во второй части в строфе VII:

*И вот я в графском кабинете.
Богатством он благоухал...
Такого я давно, поверьте,
В глухой деревне не видал.
Обилье книг, тепло камина,
На стенах старые картины,
Сиянье бронзы и зеркал,
Французский на столе журнал;
Сукном зеленым пол обитый,
Ковры персидские на нем.
А над камином есть проем,
В нем три богини — три хариты.
**Я трепетал — ну чисто,
Как был проситель у министра.***

В заключительной рифмовке строфы рифма **b-b** требует мужского ударения, а здесь женское. Александру Сергеевичу соблюдать заданный порядок было почему-то не в тягость. Между прочим, предпоследняя строка строфы («*Я трепетал — ну чисто*») являет собой грубейшее нарушение стихотворного ритма.

Неправильно было бы обойти молчанием качество рифм. К сожалению, автор относится к этой немаловажной стороне поэтического творчества без должной требовательности, а ее необходимо проявлять поэту серьезному. В строфе VII первой части рифмуются **понять — деревням**, в VIII — **странно — тайна**, в XV — **ждали — канцелярии**. К сожалению, и далее встречаются неудачные рифмы.

И стилистика произведения также далека от пушкинской.

*И обо мне тогда слыла
Весьма двусмысленная слава:
Самим был воплощеньем зла,
Но, право, лишь для комсостава!*

Комсостава?! В императорской русской армии первой половины XIX века?! Или речь идет об РККА?

*А граф мне **врезал** оплеуху...*

Ну совсем по-пушкински — «**врезал**»!

При желании можно отыскать и другие примеры, это нетрудно. Но стоит ли?

По прочтении данного произведения задаешься вопросом: а какова сверхзадача написанного? Для чего оно создано? Никаких новых, оригинальных идей в нем не содержится. Простой пересказ повести А. С. Пушкина, причем в худшей редакции. Да и Пушкин-то здесь совсем не чувствуется. Стихи с большим количеством технических и образных погрешностей далеки от звучной поэзии великого поэта. Они могут быть простительны для начинающего молодого поэта, делающего первые шаги в поэзии, как проба пера. Местами интересно, необычно. Но при таком техническом несовершенстве и явно недостаточной художественной ценности зачем же публиковать это в солидном толстом литературном журнале? Как сказал бы известный киногерой: «*Литература в большом долгу перед читателем*».

Владимир Резцов,
г. Тула